

И. П. ЛЕЙБЕРОВ, Ю. Д. МАРГОЛИС

Романовы, Распутин, их игры ¹

Весенним ранним утром 26 марта 1915 г. из Петрограда пошла в Москву шифрованная телеграмма. Полицейский телеграф отстукивал:

«25 марта курьерским поездом номер один выехал в Москву Григорий Распутин, кличка наблюдения “Темный”. Установите неотступное совершенно секретное наблюдение и охрану, в случае обратного выезда сопровождайте. Телеграфируйте мне N135. Полковник Глобачев».

По настойчивому требованию царствующей четы Николая Александровича и, особо, Александры Федоровны Романовых, Григорий Ефимович Распутин всегда находился в кольце железной охраны и слежки со стороны полиции и сыщиков. Это объяснялось тремя причинами: первая — необходимость показательной демонстрации «неуязвимого» единства монархии и «мужицкой демократии» в лице Распутина; вторая — показать союз царя с Православной церковью, опять же в лице «святого старца»; третья — Григорий Ефимович был единственным человеком, который мог, хотя бы временно и частично, вылечивать царевича Алексея от страшной и неизлечимой гемофилии (несвертываемость крови) и этим как-то благотворно влиять на истеричную и мнительную царицу.

Распутин прибыл в Москву неспроста. В Первопрестольной предстояла крупная и выгодная сделка по поставкам солдатского белья, на несколько сотен тысяч рублей. Шла Первая мировая война. Ему надо было обо всем в Москве договориться, а потом пробивать это «дельце» через Военное интендантство в Петрограде. А для этого можно и нужно было опереться на поддержку царицы. Ну и, как всегда, под большое денежное дело можно было хорошо повеселиться, выпить и закусить

¹ Печатается по: Слово. 1993. № 6. С. 4.

в печально известной московской ресторации «Яр» в компании одной из молодых красивых и аппетитных дам. Вот отрывок из секретного донесения начальника Московской охранки шефу корпуса жандармов генерал-майору В. Ф. Джунковскому:

«26 марта 1915 г. около 11 часов вечера в ресторан “Яр” прибыл Григорий Распутин вместе с неустановленной молодой женщиной (кроме них, еще были господин и дама. — *Авт.*). Вся Компания была уже навеселе. Заняв отдельный кабинет, приехавшие пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал “матчиш” и “кэк-уок”. Опьяневший еще более Распутин плясал впоследствии “русскую” (“Комаринскую”). А затем начал откровенничать с певичками в таком роде: “Этот кафтан подарила мне “Старуха” (т.е. царица, ей шел 43-й год. — *Авт.*), она его и шила”, а после: “Эх, что бы «Сама» сказала, если бы меня сейчас здесь увидела” Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер — какой-то половой психопатии: он обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседы с певичками. Раздавал некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: “Люби бескорыстно”, “Твоя красота выше гор” и прочие наставления. На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде... Около 2-х часов ночи компания разъехалась».

На первый взгляд могло бы показаться, что это было пьяное хулиганство, которое в поведении Г. Е. Распутина проявлялось нередко. Однако дело было гораздо сложнее. Скорее всего, это являлось тщательно продуманной и взвешенной политико-сексуальной игрой. Распутин своим развязным поведением как бы самоутверждался в общественном мнении: «Мне, полуграмотному крестьянскому мужику, все позволено при нынешних монархах. Царь и царица одобряют мои действия — человека из народа. А мне плевать на всякую там полицию, бюрократию, аристократию».

Появление сорокалетнего сибирского мужика Григория Распутина в Зимнем дворце в качестве царского фаворита до сих пор объясняли односторонне. Писали о половой распущенности Распутина, способной удовлетворять самые низменные страсти камарильи. О его экстрасенсорных способностях, могущих успокоить царицу, остановить кровотечение у безнадежно больного гемофилией наследника престола. Все это, несомненно, имело значение. Но главными были политические причины возвышения Г. Е. Распутина. Обратимся к фактам.

В «кровавое воскресенье» 1905 года царизм устоял. Но этот день прожег основы самодержавия. Кровь невинных людей, шествовавших

под сенью лика Спасителя, в умилении хором моливших царя царствующим хранить царя православного — и расстрелянных, раскромсанных, растоптанных, — требовала крутых перемен. Явных, понятных, чудесных. Какие утвердили бы фактам вопреки: «Царь всегда с народом». Созвали «крестьянскую» первую Думу. Но ее работа лишь обнажила пропасть между властью и народом: крестьянские выборщики потребовали помещичьей земли.

Тогда в Зимнем дворце сдвинулись к политической игре предельной наглядности. Первым шагом в игре стало решение поселить близ царя и на виду у всех преданного «мужика». В 1907 году в императорский штат на должность «возжигателя царских лампад» был зачислен сибирский мужик, уроженец села Покровское Тобольского уезда, Енисейской губернии, Григорий Ефимович Распутин.

Здоровый, выносливый, он мог уйти далеко — без паспорта, без денег, даже без лаптей — босым, надеясь на поддержку богомольцев «Христа ради». В странствиях начинается его «преображение». Он бродит по монастырям и приходам (откуда не обязательно вышибут, а, глядишь, и приютят, и подкормят). Научился немножко читать по церковнославянски, усвоил манеру молиться крикливо и припадочно, бессвязно бормотать священные тексты. Речь его становится заушной и отрывочной.

В 1902 году в Петербургской духовной академии прошел слух, будто где-то в Сибири, в Томской или Тобольской губернии объявился великий пророк, чудотворец и подвижник из мужиков по имени Григорий. К этому слуху отнеслись с интересом: в «верхах» Империи был спрос на «божьих людей». Знали это и в отдаленных от Петербурга епархиях.

С рекомендательной запиской от викария Казанской епархии Хрисанфа в том же году Григорий предстал перед ректором Петербургской духовной академии Сергием («что милость ваша...»). Судьбоносным для Распутина стал тот факт, что в кабинете Сергия находился и инспектор академии, негласный духовник царской четы Феофан.

Царица страдала психопатией. У нее развилась мания преследования. Да и как не развиться? Она — внучка великой английской королевы Виктории — была искреннейшей, глубоко убежденной монархисткой, считала свой императорский сан высшей формой служения Богу, а Бог допускал в России ширившееся либеральное и даже революционное движение. Она искренне любила своего мужа, а он беззастенчиво понуждал ее к «жизни втроем» с Анной Вырубовой. Она почти ежегодно рожала — в чайнии наследника престола, — рождались дочери. А когда, наконец, появился мальчик, оказалось, что он от рождения неизлечимо болен гемофилией.

Медицинские авторитеты свидетельствуют непреложно: царица нуждалась в успокаивающем воздействии. Увлечение императрицы западными гипнотизерами вызвало озабоченность православных церковных иерархов. Архимандрит Феофан, магистр богословия и ректор Духовной академии говорили с сожалением: «До чего мы дожили? Русская земля исстари славилась своими чудотворцами! А ныне что творится?» Было решено расстараться доставить в Зимний дворец своего, природного, российского «божьего человека». Способного целителя, из мужиков. Чтоб не претендовал ни на камер-юнкерский мундир, ни на министерское кресло. Последовало представление Николаю II, первое приглашение во дворец, где Григорий в своем лице предложил «и грех, и блаженство, и спасение». И спасение — потому что Григорий сумел средствами внушения остановить кровотечение у наследника Алексея. Наследник, несомненно, испытал нечто вроде гипнотического воздействия «старца». Это же следует сказать и о царице, и о царе. Ведь Николай II был глубоко религиозным фанатиком (лично содействовал открытию православных храмов, приращению числа канонизированных «старцев» и т. п.). Для него не только формулой обновленной «официальной народности», но и искренним личным убеждением стали слова его наставника К. П. Победоносцева: «Богом да царем православным стоит Русская земля!» Это же провозглашал и сибирский «старец».

Невропатолога с мировым именем Г. И. Россолимо признал, что этот темный мужик обладал несомненной силой внушения.

«В нем была какая-то особенность, которая властно парализовала волю не только женщин, но иногда действовала даже на крепких мужчин. Я знаю, что Столыпин влиянию Гришки не поддавался. Он стал врагом его и на этом сломал себе шею».

Великий невролог и психиатр В. М. Бехтерев приписывал Распутину, кроме «обыкновенного гипнотизма», еще и половой гипнотизм», каким, очевидно, обладал в высшей степени старец Распутин. А великосветское дамское общество, его окружавшее, представляло ту извращенную дегенерацией среду, в которой распутинский половой гипнотизм пожал обильную жатву.

Следует отметить, что Распутин проявил определенную выдержку, не поспешил собрать свою «жатву» как можно скорее. После представления в Зимнем дворце он запросился в Сибирь и снова уехал в родное село. Там в 1905 году произошла его знаменательная встреча с активистом монархического и черносотенного «Союза русского народа» протоиереем Восторговым. Будучи во время избирательной кампании по выборам в Первую Государственную Думу в Сибири, в селе

Покровском, Восторгов заявил на собрании избирателей-крестьян, что, по его убеждению, крестьяне не должны получить никакой дополнительной земли до тех пор, пока их выборные в Думу не пройдут туда по партийным спискам «Союза русского народа». В ответ он услышал насмешливый голос мужика от задних скамеек. Мужик посоветовал ему оставить «царство небесное для партейных» себе. Им, хлеборобам, «царство» нужно здесь, на земле, и «царство мужицкое», без чиновников, с царем-батюшкой во главе. Это был голос Григория Распутина.

Вот тогда-то и пришла Восторгову мысль, чтобы этот хваткий мужик сделался глашатаем идей «Союза русского народа». Ссылаясь на пример Григория Распутина, он по возвращении в Петербург предложил «выбирать из глубины захолустья здравомыслящих крестьян, обладающих даром речи, способных защитить мужицкий интерес и преданных царю. Пусть они, верные самодержавию, обличают бюрократов, помещиков и толстосумов. Пусть они станут агитаторами могучего национального движения. От земли, от сохи, из гущи народной да прозвучит голос в защиту исторической власти и — долой всяческие средостения, выборные или бюрократические, между царем и народом!».

Распутин был на казенный счет доставлен в Петербург. Протоиерей Восторгов и обучил Распутина второму, важнейшему правилу игры: понимать своих слушателей, особенно светских, не «словом Божьим», не «по святости», а держаться тональности прямых обличений в грехах — стяжательстве, праздности, блуде. Следуя этим наставлениям, Распутин громыхал в великокняжеских покоях: «Если бы вы, великие-развеликие, эдак-то не резвились бы на шее у народа, так, может, и революциев никаких не было бы!»

«Старчество» становится главным в облике Распутина. Это подтверждается и его нарочитыми автобиографическими высказываниями о своей жизни как о жизни «старца», полной испытаний, отвержения мирского, украшенной личным знакомством с настоящими старцами и их движением. Такой облик производил большое впечатление, гасил слухи о сексуальных скандалах «старца». Сторонники Распутина с фактами в руках утверждали, что «старец» пользовался поддержкой «простых людей», а это только усиливало его авторитет в придворных кругах. Именно этот имидж Распутина поддерживала правая печать.

Тут полезно пояснение. Русскому человеку, очевидно, без подлинных духовных ценностей жить невозможно. Стяжение же духовности есть подвиг. Подвижников на Руси называли «старцами». Старцы были духовными отцами, люди искали у них слово правды о жизни, разносили полученный опыт и пытались применить его.

В традиционно черно-белом изображении Распутин — злодей, сексуальный маньяк и унылый стяжатель. Читателю времен плюрализма мнений небесполезно познакомиться с фактами, способными воссоздать подлинный облик «старца» и его политико-сексуальные игры.

Является фактом, что Распутин хорошо знал крестьянские жизнь, быт и труд, их радости и беды. Особенно сибирского и уральского крестьянства. По-мужицки Распутин был умен, хитер, дальновиден и осторожен, но и одновременно к людям своего круга — крестьянского труда — был добр, душевен, гостеприимен и даже честен. Авторитетный граф С. Ю. Витте отмечал черты мужицкого демократизма и «старчества» в Распутине, когда писал: «Поистине нет ничего более талантливое, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип. Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»

Не просто десятки и сотни, а многие тысячи русских людей преклонялись перед «старцем». Невольно этому способствовала как право-черносотенная, так и леволиберальная, включая и революционную, печать, которая нещадно травила Распутина, обвиняя его во всех смертных грехах (пьянство, распутство, взятки, «шпионаж» в пользу германцев). Народно-крестьянская молва (в центре России, в Сибири, на Урале, на Русском Севере и Кавказе) видела в Григории Ефимовиче «сына Божьего» — сына крестьянского, который самим Богом был приближен к царской семье и малолетнему наследнику. Он-то, «старец», и должен был — «в обход всех господ» — влиять «по-правильному на царя, его семью в пользу народа и России». В этом-то и заключалось одно из главных проявлений мужицкого демократизма Распутина.

Как бы ни старалась полиция покрыть трактирные развлечения Распутина, образ его жизни был хорошо известен, из уст в уста передавались рассказы, в которых неизменно фигурировали дамы высшего света. Да и сам «старец» отнюдь не таился. Газета «Новое время» — одна из самых читаемых в России — напечатала интервью с Распутиным на тему о приобщении им «к Богу» своих великосветских поклонниц, приехавших к нему в Сибирь. «Старец» рассказывал: «Приобщиться к Богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских дам — в брильянтах, в дорогих платьях, повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил себя мыть... Ну, и хорошо с ними поиграли. Вот они унизились перед Богом».

Пространство этих заметок не дает возможности сколько-нибудь подробно описывать развлечения Распутина, зафиксированные в донесениях охранявших его чинов полиции. Но нельзя не привести

единственного, но зато весьма авторитетного свидетельства — видного прогрессивного историка, в годы мировой войны — офицера Ставки Верховного главнокомандования М. К. Лемке. Он записывал в своем дневнике: «Как-то Распутин попал в Москву в компании к “Яру”. Пьянство было великое, конечно, в отдельном кабинете. Разумеется, он стал держать себя с дамами и цыганками по-своему; те, особенно цыганки, отбивались, дрались и с помощью цыган, наконец, надавали ему тумачков. Тогда Распутин стал вопить: “Ах вы, сволочь черномазая, недотроги! Да как вы смеете, когда я саму царицу так же хватаю!”»

Эта разнузданность Распутина вновь и вновь возвращала «общественность» к его «мужицкому» облику. Примешивалась и ссылка на необходимость «греха» для глубокого покаяния. Таким образом, пьяные и сексуальные «подвиги» царского фаворита лишь подтверждали истину о том, что ко двору приближен истинный, неотесанный мужик. Его и терпят, потому что хотят знать «мужицкую правду». В этом и был политический смысл игры Романовых с Распутиным.

А смекалистый мужик, покушаясь на репутацию множества дам «света» и «полусвета», отнюдь не покушался на принцип самодержавия. Это было непререкаемым правилом «игры».

Но, сохраняя Распутина при дворе, им не более чем играли. Подверженные мистицизму супруги Романовы, особенно Александра Федоровна, ожидали от советов Григория Ефимовича спасения монархии. Между тем самые дельные советы Распутина были ими отвергнуты: ведь Романовы всего-навсего играли в Распутина.

Они не прислушались к его наставлениям рискнуть и повести дело к заключению сепаратного мира с Германией. По-видимому, царица обещала «старцу» поддержать германские поиски мира с Россией.

В феврале 1916 года распространился слух, что некоему саратовскому адвокату, обрадовавшему Распутина тем, что пришел к нему «без просьбы», «просто посмотреть», «старец» сказал: «Приди и наплюй мне в рожу, если в марте не подпишем мир». Заявление это было крайне рискованным: Романовы тогда и позднее побоялись пойти на сепаратные переговоры. Между тем надо ли говорить, насколько упрочил бы положение последних Романовых выход России из войны.

Проигнорированы были и рекомендации Распутина по продовольственному делу, на котором Романовы в конце концов сломали себе шею. В октябре 1915 года царица писала мужу в Ставку: «Мы видели нашего друга вчера вечером. Он в общем спокоен насчет войны, но другой вопрос его сильно мучит, и Он в течение двух часов почти ни о чем другом не говорил. Дело в том, что ты должен приказать, чтобы немедленно пропустили вагоны с мукой, маслом и сахаром. Ему ночью было

вроде видения — все города, железные дороги и т.д., трудно передать Его рассказ, но он говорит, что это все очень серьезно, и тогда не будет забастовок. Только для организации такого дела необходимо послать кого-нибудь от тебя... Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо».

Пренебрегли и этим советом улучшить продовольственное снабжение столицы.

Может показаться, однако, что была сфера, в которой Распутин был хозяином. Царица, безусловно, прислушивалась к мнению «старца» при назначении высших бюрократов империи.

Но как раз эти-то рекомендации «старца» оказались самыми рискованными в «игре».

Распутин добивался и 30 января 1914 года добился отставки В. Н. Коковцова с поста председателя Совета министров и министра финансов. Распутин поносил Коковцова за «парламентаризм» и покушение на «престиж государя»; он требовал покончить с «западноевропейскими новшествами» и утверждал, что пора, наконец, государю знать, кто служит ему, а кто — «родзянкам и гучковым». Распутин содействовал назначению министром внутренних дел А. Н. Хвостова. Это назначение вошло в историю предфевральского кризиса «верхов» как одно из ярчайших свидетельств подчинения официального правительства камарилье, безответственной клике приближенных ко двору.

Разрыв между властью и обществом становится физическим, когда Николай II — по наущению «старца» — в августе 1915 года принимает на себя Верховное главнокомандование армией. Пребывание в Ставке — в Могилеве — отдаляет его от столицы. Последствия этого станут очевидными в феврале 1917 года, когда царь, оказавшись как бы в западне, не сможет даже доехать до Петрограда. В то же время возрастет влияние на политическую жизнь царицы. А следовательно, и Распутина.

И разве смещение резко конфликтовавшего с Думой И. Л. Горемыкина и замена его Б. В. Штюрмером не было делом Распутина, широко вещавшего по респектабельным кабакам, что новый премьер, 68-летний «старикашка», должен «ходить на веревочке», а если этого не будет, «то ему шея будет сломана»?

Наблюдательный В. В. Шульгин запишет: «Этот “дед” (т.е. Б. В. Штюрмер. — *Авт.*)... унес последний престиж власти... Дело было в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас “святоточный дед” стал премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна была в бешенстве».

Но именно Распутину власть обязана выбором Штюрмера — выбором позора и бессилия.

Неэффективность «игры» в «старца» к концу 1916 года стала для царя, по-видимому, очевидной. Во всяком случае, в одном из писем царя этого времени можно прочесть: «Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными... поэтому надо быть осторожным, особенно при назначении на высокие должности».

И в другом письме:

«Только прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Но «несвобода в выборе» оглушительно сказалась, например, в освобождении из петропавловского заключения бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, обвиненного в государственной измене. Жена министра, веселая и кокетливая красавица Е. В. Сухомлинова, отправилась к Распутину, вступила с ним в «известные отношения» (определение официального документа), добралась до Вырубовой, та свела ее с императрицей, и Сухомлинов увидел свободу.

«Ведь это не шутки, — горестно сетовал В. В. Шульгин, — выпустить из тюрьмы во время войны главного военного преступника, обвинявшегося в измене, имя которого стало притчей во языцех. Дума по поводу этого бушевала. И можно себе представить, как реагировала на это армия, пережившая все ужасы позорного отступления по вине преступного министра».

Неверно, как нередко говорят и пишут, что Николай II управлял Россией, как «командовал бы гвардейским эскадром». При таких министрах, как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, руководство было иным. Оно стало таким «при Распутине». И здесь — важнейшая грань темы — «Распутин и Романовы». Они не смогли дистанцироваться от него, а он обрек их на погибель.

В ноябре-декабре 1916 года пришел конец политико-сексуальным играм Григория Ефимовича. Возник заговор против Распутина в придворно-аристократических кругах, когда стало ясно, что «старец» себя исчерпал во всех играх и игрищах. Решено было его убить. Заговор возглавили молодой князь Ф. Ф. Юсупов, монархист-думец В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович Романов. Особую ненависть против Распутина затаил Юсупов. Князь был отчаянным гомосексуалистом, его родители упростили Григория вылечить их сыночка. Распутин взялся за дело: раз в неделю он укладывал князя через порог его дворцовой комнаты, оголял княжескую задницу и порол своим ремнем, затем гипнотизировал и читал молитву против этой страшной болезни. «Старец» помог великосветскому шалопаю временно избавиться от этой болезни. К тому же Распутин категорически возражал против брака Юсупова с великой княгиней

Ириной Александровной — красавицей и умницей (дочь великого князя Александра Михайловича и старшей сестры царя — Ксении Александровны).

Распутина заманили в западню, как одичалого волка. Тем более что он давно хотел познакомиться с Ириной Александровной, ставшей недавно женой Юсупова. Вот под этим предлогом князь Феликс и привез «старца» в свой дворец на Мойку, 92 — в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года. Но самой-то Ирины Александровны не было в Петрограде, она отдыхала в Крыму. Сначала заговорщики пытались отравить Григория цианистым калием, подмешав его в пирожные, крымское красное вино и мадеру. Яд не брал Распутина — заговорщики не знали, что виноградные вина нейтрализовали действие цианистого калия. Затем последовали револьверные выстрелы. Стрелял Юсупов в левый бок и спину «старца», затем оставил его одного в комнате. Тяжелораненый Распутин сумел выбраться из дворца во внутренний дворик. Его, истекающего кровью, нагнал Пуришкевич и добил выстрелами в спину и затылок. Тело Распутина и его вещи (шуба, шапка, шарф, калоши) на легковой машине были привезены к Крестовскому острову и с Большого Петровского моста сброшены в полынью Малой Невки. На третьи сутки тело Григория выловили в Невке. Медико-судебная экспертиза установила, что и под водой Распутин еще некоторое время подавал признаки жизни.

Железным организмом обладал «святой старец». Но всякие его игры были закончены. Последствия этого убийства для монархии обернулись катастрофой. Ужасаясь того, что «Бог отвернулся», царица и царь опустили руки. Убийство Распутина, близкого к царской семье, показало всем, что все дозволено. И как бы подтверждением этого была надвигающаяся на Россию революция 1917 года.

«Зерно образа»

У НЕГО БЫЛИ ГОДЫ БЕЗУМНОЙ ЖИЗНИ

Не только писателей, но и актеров я бы назвал «инженерами человеческих душ». Чтобы воплотить на сцене или киноэкране образ того или иного исторического персонажа, актерам немало приходится поломать голову в поисках «зерна образа», над разгадкой живой человеческой сути героя, черт его характера, мотивов поведения.

Меня заинтересовало, какую «инженерию души» Григория Распутина открыл для себя народный артист России, исполнитель роли Распутина в фильме «Агония» Алексей Васильевич ПЕТРЕНКО.

Вот что рассказал актер:

— Он был юродивый. Самый обыкновенный, и в то же время необыкновенный юродивый, с очень мощным гипнозом и, в частности, эрогипнозом.

Почему в его присутствии люди терялись, становились незащищенными? Потому что он действовал противу правил. Например, при встрече люди говорят: «Здравствуйте!», подают руку, интересуются здоровьем. Так принято. Люди действуют по установленным правилам, особо не задумываясь о них. Это своеобразное клише общения людей. Распутин же мог при встрече с незнакомым человеком дотронуться до его головы, а то и схватить за нос, или еще что-то сделать экстравагантное. И тем самым выбивал людей из привычной колеи. Люди терялись, их душа раскрывалась, потому что растерянный человек — это человек, который не имеет заслонок. Распутин заходил в этого человека и дальше уже делал с ним все, что угодно. То есть использовал нетрадиционные ходы.

Я знаю, что наши ученые иногда собираются вместе и устраивают «день безумных идей». Так вот, у Распутина были годы безумной жизни. Строго говоря, это нельзя назвать безумством, это некая эмоциональная жизнь, другая сторона нашей психожизни, неведомая нам.

Много пересудов ходило о том, что у Распутина был грех с императрицей Александрой Федоровной. Не думаю. Он был настолько умен, что мог грешить сколько угодно где-то на стороне, но с императрицей — ни-ни. С ней он вел себя праведно, благостно. И когда Александра Федоровна прямо спрашивала у Распутина, зачем он сотворил в «Яре» такое-то безобразие, он отвечал: «Я оставлял там грязь, чтобы к тебе прийти чистым». Это еще один пример его нетрадиционных ходов, обезоруживающих собеседника.

У меня осталось впечатление, что он всегда был какой-то вздыбленный, и эту вздыбленность всячески в себе культивировал, прежде всего в глазах окружающих. Он как бы сам создавал свой образ, каким современники и потомки должны его воспринимать.

Беседовал Николай КАВИН

Распутинщина¹

Она стала одной из причин краха монархии в феврале 1917-го. Но как политическое явление остается «чрезвычайно опасной и поныне».

Распутинщина не изучена. На эту тему у нас не издано ни одного серьезного исследования. Не потому ли в нынешнем общественном сознании, да и в литературе, не пересекаясь, сосуществуют несколько версий о Распутине. Так, Санкт-Петербургским обществом «Почитателей

¹ Печатается по: Лейберов И., Марголис Ю. Распутинщина // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 26 февраля. С. 4.